

лера манович

ПЕРВЫЙ
и другие рассказы

москва 2015

Лера Манович

Первый и другие рассказы

НП «Центр современной литературы»

Манович Л.

Первый и другие рассказы / Л. Манович — НП «Центр современной литературы»,

ISBN 978-5-91627-154-6

Проза Леры Манович как хороший утренний кофе. Она погружает в задумчивую бодрость и делает тебя соучастником тончайших переживаний героев, переданных немногими точными словами, я бы даже сказал — точными обиняками. Искусство нынче редкое, в котором чувствуются отголоски когда-то хорошо усвоенного Хэмингуэя, а то и Чехова. Материальная, чувственно воспринимаемая и переживаемая деталь играет у Манович ту же роль, что коан в дзенской практике: повод для мгновенного пробуждения сознания, экзистенциального прозрения. Алексей Козлачков

ISBN 978-5-91627-154-6

© Манович Л.
© НП «Центр современной
литературы»

Содержание

I	5
Первый	5
Художники	8
I	8
II	10
Шок	13
Христос воскрес	17
Шпроты	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Лера Манович

Первый и другие рассказы

I

Первый

Договорились встретиться в Макдаке на Пушкинской. Это он предложил. Денег на ресторан не было, и вообще.

Он пришел первый, заказал бигмак, колу. Сел у окна. На улице накрапывал дождь. Незнакомые, озабоченные люди сновали туда-сюда. У него была жена, любовница и тот неприятный период в жизни, когда всем про всех известно.

Она сильно опаздывала. Три раза звонила, много говорила. Он уже начал жалеть, что спустя пятнадцать лет согласился встретиться. Зачем возвращаться к старым историям?

– Надежда! Ты?

– Я, Николай Алексеевич.

– Боже мой, боже мой, кто бы мог подумать... – подобные, описанные еще Буниным, встречи пугали его.

Она снова позвонила, сказала, что уже недалеко. Стоит в пробке. «Надеюсь, ты дождешься». Он положил трубку и подумал: «Черт бы её побрал!». Сама его разыскала, сама предложила встретиться. А теперь он сорок минут ждет, как будто без того мало проблем.

Голос у нее был все тот же. «А вдруг она бабища страшная?». Но тут же вспомнил фото на фейсбуке. Не бабища и не страшная. Даже красивая. Но все равно – на фига ему это? А ей?

Он шумно отпил колу. Вспомнил утреннюю сцену дома. Жена в дверях с опухшими глазами. По утрам у неё всегда были узкие глаза. Раньше он ласково звал её «мой япошка». На руках сын. Немой укор. Нет, не немой:

– Опять поздно придешь?

Он не ответил, завязывая шнурки.

– Как смеешь ты вот так ходить с лицом порядочного человека? – спросила она тихо. Сын испуганно смотрел сонными глазками.

Он откусил бигмак, посмотрел на своё отражение в стекле. Лысина со лба, растрепанные кучерявые волосы, грустные глаза, грустный рот. Он не был похож на подлеца, который привез жену в чужой город, чтоб здесь увлечься другой. С непростительной разницей в возрасте. Теперь ему не хватало ни сил, ни денег.

– Привет! – Она стояла над ним. Короткая стрижка, внимательные глаза.

Он улыбнулся. Она беззастенчиво, как ребенок, рассматривала его. Он смутился. Положил недоеденный бигмак на поднос.

– Ну, вот я, – сказал он.

– Ну, вот ты, – весело ответила она.

Села.

– Будешь что-нибудь?

– Я бы кофе выпила.

Он принес ей капучино и маленькое шоколадное пирожное на блюде. Сел.

– Три сахара. Нормально?

– Да, вполне сладко. Спасибо.

Отпила. Посмотрела на него с улыбкой.

Изменилась. Стала лучше. Красавица.

– Ну, как жизнь? – спросил он.

– У меня?

– Да.

– Нормально. А у тебя?

– Терпимо.

– Ты женат? Встречаешься?

– И то и другое.

– Даже так? – она весело подняла бровь.

– А ты?

– Была замужем. Сейчас живу с женщиной.

– А есть разница? – пошутил он.

Посмотрела серьезно. Он доел бигмак. Зашуршал, комкая бумагу. Она взяла чашку, поднесла к губам. У нее были ухоженные руки с продолговатыми блестящими ногтями. Он подумал о жилистых, красноватых от воды руках жены. Детские, с заусеницами, всегда перепачканные краской пальцы любовницы.

– Чем ты занимаешься? – спросил он.

– Бизнес-проекты. Руководжу отделом. А ты?

– Художник. Рисую комиксы.

Она улыбнулась.

– У тебя прическа как у Красти из Симпсонов.

– Я и есть долбаный Красти, – он грустно усмехнулся.

Она поддела вилкой кусочек пирожного, положила в рот. Облизала губы.

Поймав его взгляд, смущенно сказала:

– Вкусно.

– Насколько я помню, – сказал он, – я был твоим первым мужчиной.

Она кивнула. Опять улыбнулась:

– Почему был? Ты и сейчас...

Все получилось случайно. Она жила неподалеку от общежития. Он часто у них бывал – приветливая, интеллигентная семья, всегда можно было рассчитывать на ужин. Девчонка была ничего. Просто ничего. Ловил на себе её взгляды. Влюбилась.

Однажды зашел – дома одна. К экзаменам готовится, родители на даче. Сбежал за вином.

Утром проснулся первый. Головная боль от вчерашней бормотухи. Она спала рядом. Крепко. Рот по-детски приоткрыт, и на подушку тянется тонкая, прозрачная ниточка слюны. Он стал одеваться. Она села на кровати. Он, чувствуя себя вором, которого застиг хозяин, натягивал брюки.

– Уходишь? – спросила она.

– Да.

Он не смотрел в глаза.

Потом, встречаясь в университете, улыбался как ни в чем не бывало. Она вымученно улыбалась в ответ. Экзамен завалила. Ходить к ним в гости он перестал.

Потом она стала с кем-то встречаться, он тоже. Со временем забылось, вытеснилось из памяти. А теперь, когда перед ним сидела сильная, независимая женщина, зачем-то вспомнилось.

У него зазвонил телефон.

– Ты с женой поговорил? Я так больше не могу! – в трубке всхлипнули. Что-то громкобрякнуло. Разговор оборвался.

Она смотрела на него своими спокойными серыми глазами:

– Тебе пора?

– Да, наверное.

– Ну, хорошо. Была рада увидеть.

Вытерла салфеткой губы:

– Тебе куда? Я в сторону ВДНХ. Могу подбросить.

Они ехали в одной машине. Ей позвонили. Видимо, её мужчина. Она говорила с ним смешливо и ласково. Он смотрел на её узкие кисти, уверенно лежавшие на руле, на сильную шею, гордо посаженную голову.

– Куда поворачивать? – спросила она.

– Вот здесь, на остановке.

Она мягко затормозила. Прощаясь, он потянулся к ней. Она торопливо и как будто брезгливо чмокнула его в щеку. На него дохнуло мускусно-цветочным ароматом и чем-то давно забытым. Он вышел из машины, закинул на плечо сумку. Вспомнил что-то, торопливо открыл молнию. Достал журнал с голубой обложкой. Протянул:

– Это тебе. Свежий номер. Шестнадцать полос – мои.

Она взяла журнал в руки:

– А у меня для тебя ничего нет, – улыбнулась будто виновато.

– Даша, – сказал он.

– Что? – она подняла свои спокойные серые глаза.

– Хорошо выглядишь.

Она молчала. Он аккуратно захлопнул дверь машины.

– Слав, – позвала она.

Он обернулся, наклонился к открытому окну.

– Еще раз хлопни, – сказала она. – Не закрылось.

Мигнув фарами, машина уехала. Он шёл по улице, переступая длинные тени фонарей, жадно и часто затягиваясь. Остановился. Домой не хотелось. Никуда не хотелось. Он долго чиркал зажигалкой, прикуривая новую сигарету.

Художники

I

– Ты когда-нибудь кончаешь? – Глеб затянулся, глядя в потолок. Положил руку под голову. Она молча водила ладонью по его груди.

– И с мужем нет?

Она улыбнулась, помотала головой.

– Ясно.

Глеб встал. Прошелся по мансарде, щелкнул чайником. Еще раз затянулся и, прищурившись, уставился на незаконченную картину на мольберте. Там была изображена обнаженная женщина. Та самая женщина, которая сейчас наблюдала за ним из постели. Глеб стряхнул пепел на пол:

– Кофе будешь?

Она закивала.

– Тогда вари.

Она послушно встала, накинула его рубашку, пошла к плите.

Глеб присел за мольберт как был, голый. Всмотрелся в набросок. Расставив ноги, сделал несколько мазков.

В курилке было серо от дыма. Глеб, держа сигарету в руке, говорил приятелю:

– Спокойная, без претензий. Тело красивое. И что замужем – хорошо. Мне сейчас серьезного не надо. Что прошу – все делает. Ласковая. Но за три месяца ни разу!

– А ты спроси, – полненький приятель усмехнулся, – может, её не устраивает что-нибудь?

– Да брось!.. Знаешь, даже Антонину вспомнил. Сколько крови попила. И не любила. Но как в постели орала!

– Пол-этажа в общежитии будила!

Они засмеялись.

– Как она? Общается?

– Сто лет не видел. Говорят, замуж вышла, детей нарожала.

Они помолчали.

Глеб затоптал окурки:

– У тебя-то как?

– Ленка химию прошла. Вроде лучше.

– Всё то же, что зимой?

– Ага.

– Ну, держитесь. Увидимся.

Глеб запахнул пиджак и, шагая через две ступеньки, пошел по лестнице.

Глеб открыл дверь в мастерскую. Она мыла пол. Стоял знойный день. Окна были распахнуты. Блузка, юбка аккуратно лежали на кресле. Она обернулась, тыльной стороной руки

поправила волосы. Глеб искал сухое место на полу, поставил папку с эскизами. Она наклонилась над ведром и отжала тряпку.

– Слишком современное белье, – сказал он. – В атласном лифчике ты была бы лучшей девушкой Советского Союза.

Она улыбнулась.

– Зачем? – он показал на тряпку в её руках.

– Пыльно.

– Ты отпросилась?

– Последнюю пару отменили, муж на футболе.

– И ты пришла ко мне, чтоб вымыть пол?

– Ты кашляешь от пыли.

Он подошел к ней вплотную, обнял. Притянул к груди её голову. Мокрая тряпка шмякнулась на пол.

Глеб курил и, прищурившись, смотрел в потолок. Она, стоя у плиты, держала кофеварку за длинную ручку.

– Наташа.

Она обернулась. К влажному лицу прилипли пряди волос.

– Наташа.. у нас что-то не то.

Она молчала.

– Ты как будто не до конца моя.

Убежавший кофе с шипением заливал плиту.

– Хорошая работа.

Пожилой человек в просторном пиджаке стоял перед холстом с изображением обнаженной женщины. Женщина сидела на стуле лицом к художнику, вцепившись руками в сидение и слегка расставив ноги.

– Теплая, живая. Вот здесь очень хорошо тени легли.

Человек в костюме, почти касаясь холста, провел пальцами по внутренней поверхности бедер:

– Дотронуться хочется.

Опустил руку. Помолчал, любуясь.

– Напряжение какое. Кажется, дотронешься – и она взорвется. Отзывчивое тело. Ведь отзывчивое?

Человек с хитрой улыбкой посмотрел на Глеба.

Глеб пожал плечами.

– Глеб. Я был очень дружен с вашим отцом. И вас очень ценю. Вы – способный человек. Молодой, горячий. Это ваше дело. Но, знаете, в одной из аудиторий, где вы ведете, на парте нацарапан стишок: «Глеб Сергеевич Опалов с каждой третьей переспалов».

– Андрей Сергеич, это ошибочная статистика.

Автор шёл на поводу у рифмы.

Человек в костюме посерьезнел:

– Я понимаю, это не школа. Люди взрослые. Вы не намного их старше. Но я прошу вас быть благоразумнее.

Глеб кивнул. Человек в костюме отошел подальше от мольберта и снова посмотрел на картину.

– А работа очень живая... Не останавливайтесь.
Хорошую волну поймали.

Наташин муж всё узнал. Устроил скандал. Она сразу прибежала к нему. Глеб посадил её за стол, успокоил, посоветовал еще раз спокойно объясниться с мужем. Мол, бабская дурь. Художник. Ловкий. Рисовал. Предложил вина. Завлек. Каюсь. Больше не повторится.

Она смотрела на него удивленно, потом встала, подошла к окну. Глеб говорил, приводил аргументы, смешные, остроумные способы все склеить и вернуть. Наташа развернулась, пошла к раковине. Намочила тряпку. Он смотрел, как её рука быстро и тщательно протирает подоконник.

Она закончила. Спросила:

– Пойду?

Глеб пожал плечами:

– Иди.

В коридоре догнал и обнял. Наташа остановилась и, к его удивлению, разрешила себя поцеловать. Ответила на поцелуй. Он стоял, не зная, что делать дальше. Она улыбнулась.

– У меня к тебе одна просьба.

– Какая?

– Протирай пыль хотя бы раз в неделю.

Аккуратно, чтоб не хлопнуть, закрыла за собой дверь.

II

Андрей Сергеевич долго переходил от одной картины к другой. Подолгу стоял. Присматривался. Глеб не выдержал.

– Ну, что?

Андрей Сергеевич покачал головой.

– Глеб, не то. Что-то ушло из работ. Всё распадается... Та, первая, – он сделал в воздухе жест, как бы обводя воображаемые бедра, – та была хороша. А эти..

Он подошел к одной из картин.

– Тени выглядят как огромные родимые пятна. Это тело отталкивает.

Он отошел, присмотрелся:

– Это Алька, что ли, с первого курса?

Глеб кивнул.

– Глеб-Глеб. Вы путаете творчество и жизнь.

Андрей Сергеевич посмотрел на часы.

– Так, мне на совещание надо. Работайте, думайте, пытайтесь... Время еще есть, – он хлопнул его по плечу, улыбнулся. – Все приложится.

В дверях Андрей Сергеевич окликнул Глеба:

– Та натурщица на стуле? Из наших, местных?

Глеб помотал головой.

– Не дадите телефон?

Глеб усмехнулся. Нацарапал на листке цифры:

– Но у нее телефон две недели не отвечает.

Андрей Сергеевич взял в руки бумажку:

– Возможно, он не отвечает только вам.

Глеб взглянул на него резко, и захлопнув папку, вышел из кабинета.

Глеб и его приятель сидели в столовой друг напротив друга. Откусывая хлеб, приятель быстро и с аппетитом ел суп. Глеб, не притрагиваясь, смотрел в окно.

Приятель перестал есть, взглянул на него:

– Что за траур? Ты про Сергеича всё?

Глеб не ответил.

– Да брось ты! А судьи кто? Ты когда в последний раз у него приличную работу видел, а? Он всё больше о методиках вещает и по конференциям разъезжает.

– Без него вижу, что плохо.

– Не самоедствуй. Лучше расскажи: девицу-то свою до оргазма довел? – приятель вытер улыбающиеся губы салфеткой.

– Нет. Мы расстались.

– Из-за этого?

– Из-за того, что я мудака.

Приятель отпил компот.

– Не, ну ты что-то совсем расстроен.

Глеб встал, придвинул к приятелю нетронутую порцию:

– Будешь? Я не хочу.

Приятель посмотрел на котлету. Улыбнулся смущенно.

– Бери-бери.

Приятель с аппетитом пододвинул к себе тарелку:

– Ленка в больнице. Я оголодал слегка.

Глеб нахмурился:

– Опять рецидив?

– Не, – приятель принялся за котлету. – На сохранении. Беременная.

Глеб присвистнул.

– А разве сразу после химии можно?

– Врассказал – если Бог дал, значит, можно.

Глеб вошел в мастерскую, не разуваясь упал на кровать. Пол был такой грязный, что оставались следы. Он почему-то вспомнил, что сегодня среда. Её муж часто был в это время на футболе, и она забегала. Торопливо сметала пыль, что-то готовила. Иногда позировала. Он пользовался ею, как и множеством других женщин: ел, то, что она готовила, ходил по чистому полу, который она мыла. Рисовал её тело. Он не просил их об этом. Поэтому и благодарности не испытывал.

Он встал, распахнул окна. С улицы дохнуло зноем. Он поднял прислоненную к стене картину. Наташа. Нежная и замершая. Вытащил из шкафа ветошь. Замотал в нее картину. Взглянул на часы.

Глеб хорошо помнил её адрес, хотя был тут только однажды. Большая сталинская арка, площадка с покосившимся турником, палисадник с одиноким кустом. Он стоял и курил, понимая, как глупо выглядит его появление.

Молодая женщина с коляской прошла мимо, с любопытством посмотрев на него. Проехал, прозвенев звонком, мальчик на велосипеде. Две долговязые подружки прошли, хихикая, с любопытством посмотрев на замотанную в простыню картину.

Наконец он заметил её. Она шла не одна. Поспешно бросив окурок, Глеб зашел в арку.

Они о чем-то говорили. Наташа улыбалась своей спокойной улыбкой. Её муж, высокий, спортивный человек, рассказывая что-то смешное, открыл дверь подъезда. Пропустив её вперед, шлёпнул сзади. Она переливисто рассмеялась. Глеб почувствовал, как сжалось горло. Быстро пошел к остановке. Картина осталась стоять в арке.

– Как же так, Глеб? Где потеряли? Это была великолепная вещь! – Андрей Сергеевич возбужденно ходил по комнате. Глеб курил, глядя в окно. Андрей Сергеевич остановился рядом:

– А я вот в последний момент решил. Сколько можно заниматься административными вопросами? Я ведь тоже художник.

В девушке с обнаженной спиной, которую Андрей Сергеевич представил на конкурсе, Глеб сразу узнал Наташу. Картина имела ряд недостатков. Но странно – к ней тоже хотелось прикоснуться.

– Удивительная женщина, – смущенно говорил Андрей Сергеевич Глебу, – будто свет изнутри идет.

После вернисажа, когда они пили в служебной коньяк, он, раскрасневшийся и пьяный, шепнул Глебу:

– Я хоть и старик, но никогда донжуанству вашему не завидовал. На кой мне свиристели эти... А тут в первый раз затосковал. Такая женщина!

– Какая? – Глеб поднял пьяный, затуманенный взгляд.

Андрей Сергеевич с улыбкой наклонился к нему, шепнул что-то на ухо. Глеб нехорошо усмехнулся. Потом мотнул головой и налил себе еще.

Шок

Рейс задержали. Было два часа ночи по местному времени, когда они приехали в отель. Он сразу заснул, даже во сне сохраняя недовольное выражение лица. Марина стояла перед зеркалом, держа в руке открытую пудреницу и пытаясь рассмотреть свой затылок. Перед отъездом она подстриглась. Слишком коротко. Она переложила зеркальце из одной руки в другую. В зеркальце был виден затылок с тонкими, беспомощно торчащими волосами, жилистая шея и уши. Одно оттопырено. Школьный кошмар вернулся через четверть века и накрыл её прямо здесь, в отеле Майорки, куда она приехала с чужим мужем.

Она положила пудреницу и вышла на балкон. Море шелестело галькой. Голубая пустота бассейна светилась изнутри. Желтый матрас, перегнувшись пополам, вздрагивал на ветру, как оса в предсмертной агонии.

Завтрак подходил к концу. Отель был полон. Официанты носились со страдальчески вежливыми лицами, не успевая убирать столы. Перед ним стояла тарелка, щедро наполненная помидорами, омлетом и зажаренными ломтиками окорока. Марина ковыряла йогурт. Мимо прошла толстая, фиолетовая индуска, похожая на богиню Кали. На её руках вертел головой светлокожий курчавый ребенок. Марина жадно посмотрела на крошечную ножку.

– Смотри какой, – сказала она ему. – Совсем на индуса не похож.

– В этом отеле слишком много детей, – сказал он. – Надеюсь, нам попались соседи без детей. И так паршиво сплю.

– Вон тот высокий англичанин, – сказала Марина, – их отец. Надо же – полюбили друг друга, поженились.

Жуя, он без интереса посмотрел в их сторону.

– Отважный мужик, – проглотил, ковырнул вилкой в тарелке. – Помидоры как в Москве. Недозрелые.

– Пожалуйста, открой зонт!

– Тебе что, жарко?

– Нет, но на меня светит солнце.

– Ну и что?

– Загар мне ни к чему.

Марина встала, открыла зонт, повернувшись к нему спиной. Он скользнул по ней взглядом. Она заметила.

– Что?

– Ничего.

– Что ты так смотришь?

– Ничего.

– Я подстриглась.

– Да?

– Что? Плохо?

Полулежа на шезлонге он смотрел в айпад.

– Нормально.

- Но ведь раньше было лучше?
- Отрастет.
- То есть тебе тоже кажется, что раньше было лучше?
- Он утомленно потёр переносицу.
- И сейчас нормально.
- Нет!

Марина встала.

- Что? – он оторвал глаза от экрана.
- Пойду поплаваю.
- Там медузы.
- Плевать!
- Будь осторожна.
- Это смешно.
- Что?
- Что значит это «будь осторожна»?
- Постарайся не задевать медуз.
- Задевать медуз?!

Марина нервно расхохоталась.

- Перестань, – сказал он.

Ничего не ответив, она начала спускаться по лестнице к морю. Он смотрел ей вслед. Порыв ветра растрепал её короткие волосы, обнажив оттопыренное ухо.

Море было слишком холодным для июня. Марина зашла в воду по колено. Остановилась. Эта поездка должна была все решить. И как специально – эта нелепая стрижка! Она в который раз вспоминала визит к парикмахеру: пришла, села в кресло. Улыбчивый незнакомый мастер вымыл ей голову, надел черную накидку с маленьким белым цветком, взмахнул ножницами.. Она с ненавистью дотронулась до коротких волос. С поднятыми, как перед расстрелом, руками зашла в воду.

Её долго не было. Он встал, размялся. Подошел к бару и попросил пива. Молодая барменша, наливая пиво, улыбнулась. Он устало улыбнулся в ответ. Обычная европейская вежливость. Старший по бару, рослый испанец с блестящими, зачесанными назад волосами, проходя, на секунду замер за спиной барменши. Та быстро, без улыбки, оглянулась. Бармен подошел к кассе и выбил чек. На его руке блестело обручальное кольцо.

- Старший спит с барменшей, – подумал он.

Марина все не возвращалась. С бокалом в руке он подошел к обрыву. Вода в заливе была так прозрачна, что было видно дно с островками водорослей. Из-за ветра купальщиков было немного. Он долго искал её глазами.

Пять лет назад, когда они начали встречаться, он умел находить её в любой толпе, чувствовать на любом расстоянии. Еще не дойдя до подъезда, он уже знал – дома она или еще не вернулась. Теперь он смотрел на несколько тел, плавающих в прозрачной, как стекло, воде, и пытался вспомнить цвет её купальника.

Наконец он её увидел. Далеко за буйками. Она быстро плыла кролем. Никто не умел так женственно плавать кролем. Вот она проплыла мимо колеблющегося на волнах желтого шара, на секунду замерла. Снова поплыла. Вздогнула и замерла. Поплыла. Вздогнула. Он поставил пиво на столик и быстро стал спускаться к пляжу.

Стоя по грудь в воде, он подхватил её на руки.
Марина бессильно улыбнулась, обвила его шею.
– Что с тобой? – спросил он.
Она задрала локоть. На коже неровными пятнами были рассыпаны коричневые точки.
Когда он был на середине лестницы, её голова упала на его плечо.

Старший бармен торопливо звонил по телефону. Девушка из бара принесла две половинки лимона. Сказала, что надо промыть ранки лимонным соком. Дул порывистый ветер. Марина лежала в тени зонтика. Капли воды сбегали на землю. Он стоял на коленях перед шезлонгом и гладил её по мокрым волосам.

Машина скорой помощи, покачиваясь на поворотах, неслась по шоссе. Голубоватая капля раствора появлялась, замирала и исчезала в прозрачной трубке, ведущей к её руке. Разговорчивый медбрат бубнил что-то на плохом английском.

Он вспомнил, что его айпад остался на пляже. Медбрат что-то твердил про одну женщину из двадцати тысяч. Что анафилактический шок – очень редкая реакция на укус медузы. Один случай на двадцать тысяч. И это случилось именно с ней.

– Your wife is a very special woman¹, – твердил медбрат.

– Do you know my wife?²

Ему хотелось, чтоб медбрат заткнулся.

Медбрат на секунду задумался:

– Girlfriend?³

Он кивнул, подумав, как невинно это звучало на чужом языке.

– You have a very special girlfriend⁴, – сказал медбрат и стал смотреть на дорогу.

Когда они подъезжали к больнице, Марина пришла в себя. Он запомнил её по-детски испуганное лицо, когда её повезли куда-то по длинному коридору, а его попросили остаться.

¹ Ваша жена – редкая женщина.

² Вы знакомы с моей женой?

³ Ваша девушка?

⁴ У вас очень редкая девушка.

Он вспомнил, что такое уже было однажды. Когда она делала аборт. Он отвез её в лучшую клинику. Все прошло отлично.

Его жена тогда тоже была беременна.

Вошел доктор – добродушный упитанный испанец. Сел за стол. Спросил по-английски, что случилось.

– I don't know⁵, – ответил он и почему-то посмотрел на свои ладони.

Никогда он не был так внимателен к ней. Никогда она не была так счастлива, как те четыре дня в госпитале Плайя де Муро.

На ней была белая майка и шорты. Сестра катила её в инвалидном кресле. Марина могла идти сама, но таковы были правила госпиталя. Он встречал её у дверей. Осунувшийся, в руках – цветы. Светило яркое солнце. Марина вдруг подумала, что так встречают жену с новорожденным. Но в руках её был только маленький пакет с купальником. Когда они сели в машину, она заплакала.

Той ночью, когда он уснул, Марина долго стояла перед зеркалом. Потом вышла на балкон. В лунном свете залив был похож на маленькое, тихое озеро. Она подняла руки и с улыбкой провела по волосам.

Обратный рейс задержали. Он сидел в аэропорту Сан-Хуан, выпивая третий кофе и не зная, что делать дальше.

Четыре дня из семи ему пришлось провести в приемной больницы. Он очень волновался за нее. Он не отдохнул. То, что он не загорел, было даже кстати. Не придется объяснять жене, откуда в Германии такое солнце. Женщина, с которой он семь лет изменял жене, имела очень редкую реакцию на укус медузы. Но у жены, с которой он прожил двадцать лет, была очень необычная реакция на измену. Ему попадались очень редкие женщины.

Марина помахала ему рукой из-за стеклянной стенки дьютифри, показывая на какую-то коробочку. Он улыбнулся ей, как измученный родитель надоевшему ребенку. Кивнул. Она просияла.

Он вдруг почувствовал, что очень устал. Что если было бы можно, он бы неделю, месяц или год просидел в этом кресле с видом на взлетную полосу.

Самолеты разбегались и взмывали в небо.

⁵ Я не знаю

Христос воскресе

– Плавать пришли? С утра бы плавали! Пасха, сижу тут из-за вас троих – проворчала бабка-гардеробщица, протягивая Ларисе номерок.

– Почему же из-за троих?! – вступила в разговор женщина с плоской грудью и выпирающими зубами. – Нас гораздо больше!

Мужчина на соседней дорожке плавал с размахом. Громко фыркал. Колотил волосатыми руками по воде. Вот он проплыл мимо Ларисы, обдав её обильными брызгами.

– Бугай, – подумала Лариса, с ненавистью посмотрев на его спину.

В другой раз, когда они плыли навстречу друг другу ей показалось, что он подмигивает.

Лариса долго стояла под душем, закрыв глаза. В соседней кабине мылись две подружки-пенсионерки, по очереди заходя под струю воды.

– Михална, спину потри.

Купальщица с круглым розовым животом, из-под которого, опровергая законы анатомии, выглядывали тощие, синеватые ноги, терла спину другой – низенькой и грудастой.

– Яйца-то покрасила? – говорила она, работая мочалкой.

– Красить-то кому? – гоготнула низенькая.

Пузатая смущенно заулыбалась.

Лариса посмотрела на свой гладкий живот со шрамом от аппендицита, на увядшую грудь. Здесь, в душевой, ей казалось, что разница между молодым и старым телом совсем невелика. Высокие-низкие, полные-худые, молодые-старые. Мокрые, мыльные, с прилипшими волосами. Одинаковые.

– Куличи не стала печь – купила, – сказала низенькая. – Не получаются.

– Осветила?

– С утра еще. Вечером сын приедет. С внуками.

Лариса быстро высушила короткие волосы, вышла в холл. Звякнул телефон. Она так поспешно полезла в сумку, что сломала ноготь. Аптечная служба сообщала о падении цен на лекарства. Лариса с досадой посмотрела на ноготь.

Полгода никто не звонил. Мужчины, родственники, подруги. Даже начальник, которому раньше все время что-то было нужно. Все будто договорились забыть о ней.

Лариса села в кресло. Вопреки дурному настроению, после плавания и душа по телу разливалось приятное тепло. Мимо прошли пенсионерки. В одежде они казались старухами.

– Отдыхаете? – к ней склонилось лицо, в котором она не сразу признала «бугая» с дорожки.

– Да, – сухо ответила она.

– Вы на машине?

– Нет, – сдержанно ответила она, – я тут недалеко.

– А я тут на машине.

Мужчина уверенно рулил, поглядывая на Ларису. Он был немолод, но той крепкой мужской породы, которая привлекательна до старости. На руке поблескивали массивные часы.

– Ну, что? Домой вас везти?

– Да.

– Планы на вечер есть?

– Какие?

– Вот и я спрашиваю – какие? Яйца-куличи?

Лариса засмеялась, вспомнив теток в душе.

– Хорошо. Едем домой... ко мне.

Лариса смутилась.

– Бойтесь, что ли? – мужчина весело поглядел на неё. – Ну, хотите – я паспорт покажу?

Лариса опять смутилась:

– Что вы, зачем...

На мебели лежал толстый слой пыли. Оранжевые шторы резко выделялись на фоне серой комнаты. Лариса подумала бы, что в квартире никто не живет, если бы не толстый и как будто тоже пыльный кот, который выбежал им навстречу.

Он проворно расставил на столике коньяк, колбасу, вымыл виноград. Налил.

– Вообще-то еще пост, – сказала Лариса.

– А вы поститесь, что ли?

– Да нет... просто помню.

– Капельку, за знакомство.

Бутылка коньяка в его руке казалась игрушечной. Лариса выпила, сморщилась. Растерянно улыбнулась. Взяла кусочек колбасы с блюда. Он сразу разлил еще и тут же выпил. Сел вполоборота к Ларисе, протянув руку за её спиной. Она нервно повела плечами.

– Замерзла, что ли?

Окинул её нахальным взглядом. Придвинулся.

Она отклонилась.

– Вы что?

– Давай на ты.

Она снова отодвинулась. Он усмехнулся. Положил руку на её острое колено. Лариса вдруг подумала об удобном ношенном бюстгальтере, который она надела утром.

– Слушай, хватит. Ты ж... не на чай с куличами шла.

Она встала:

– Я пойду!

Он схватил её за запястье, сильно дернул. Лариса плюхнулась назад на диван. Он обхватил её плечи как будто ласково, но крепко. Зашептал на ухо:

– Ну, что ты. Что ты...

Притянул к себе. Коротко чмокнул в губы. Она хотела вывернуться, но не смогла и уткнулась носом в расстегнутый ворот его рубашки, почувствовав резкий запах одеколона. Его рука легла на Ларисино плечо и потянула вниз. Пуговицы скользнули по лицу, царапнув лоб.

Он закурил, глядя, как она мечется по комнате, собирая разбросанные вещи. Как, стыдливо ссутулясь, одевается, оскорбленная собственной наготой.

В коридоре, прежде чем открыть дверь, мужчина порылся в куртке, протянул деньги.

– На такси. И... пригодится.

Она подняла бесцветные от унижения глаза.

– Не переживай – я чистый. Каждый месяц проверяюсь.

Помолчал. Потом, не зная что еще сказать, добавил:

– С праздником.

Она стояла прямая и страшная в своем старомодном пальто. Выбежал кот. С урчанием стал тереться о её ноги. Мужчина лязгнул замком.

Поздно вечером, уходя из квартиры, он заметил под вешалкой пакет. Раскрыл. Купальник, влажное полотенце со старомодным цветастым рисунком, растрепанная мочалка. Отдельно лежало розово-голубое пасхальное яйцо, аккуратно завернутое в бумагу.

Он на секунду замер над жалкими этими вещами, почувствовав страх. Торопливо вышел из квартиры, подошел к мусоропроводу. Ржавый ящик не хотел открываться до конца, он затолкал пакет в щель и с силой прихлопнул. Жалобно хрустнула яичная скорлупа. Пакет с тихим шелестом полетел вниз.

Мужчина выругался и вызвал лифт.

Шпроты

Я тогда сам себе сказал: ты этого не сделаешь! А сделаешь – гореть тебе в аду! У тебя их семьдесят восемь было. Ты их считал даже. Как мудак.

Помнишь? Весна, «Аквариум» играет, пылинки кружатся в лучах солнца. Бреешься перед зеркалом, рожей своей любишься – и вдруг сбился! Семьдесят восьмая или семьдесят девятая? Она уже в дверь звонит, а ты все стоишь и никак не можешь вспомнить. Потом уже, когда ночью на балконе курил, решил – семьдесят восьмая. Фору дал. Любви. Мудак.

А Таня. Она же совсем другая. Тоненькая вся, смешная. Зубы немного мельче, чем надо. Хохочет, доверяет. С ней потом только две дороги – либо в мужа, либо в подлецы. Ты ж знал.

Зимой думал – влюбился. Даже снилась. Она тогда перевод делала. Песня на сербском. «Рингишпиль». Смешно так пела: «Деревянные лошадки тихо кружатся, спешат»... Шапка меховая. Глаз не видно. Только кончик носа и смеющийся рот. Ты тогда в Андорру с очередной своей на Новый год уехал. Скучал страшно. Как-то смс ей написал «без тебя деревянные лошадки грустно стоят»... Потом закружился как-то, забыл. Потом апрель.

Шли после занятий по Тверскому бульвару. У нее еще сапоги смешные – голенища широкие, а ноги тонкие. Рассказывает что-то. Киваешь. А сам, как пес, ловишь носом и брюхом весенний воздух. Она после зимы бледная, профиль грустный. Хочется взять его в ладонь.

На улице почти тепло. Говоришь ей: торопишься? Она радуется, головой качает: нет. Ты: посидим? Сел на скамейку. На колени показываешь в шутку. Она смеется, села рядом, смотрит. Вот черт! Так смотрит – что хоть сердце из груди доставай. Но ты собрался, сосредоточился. Начал. Ты ж умеешь, когда соберешься. Говоришь-говоришь, и знаешь, какие у тебя глаза сейчас. Семьдесят восемь раз знаешь, если с форой. Потом еще стихи, ты ж умеешь. «Невинно, с той же простотой, с какой зовут на чашку чаю, мне все изменяют – вплоть до той, которой я еще не знаю»...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.